

ОСОБЕННОСТИ АГОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СУДЕБНО-ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PECULIARITIES OF AGONAL COMMUNICATION IN LAW DISCOURSE

A. Kazakova

Summary. The article deals with agonal communication as a new trend in the modern language behavior theory. The article presents some forms of agonal rhetoric and its linguistic representation in law discourse.

Keywords: agon, agonal rhetoric, persuasion, competitiveness, law discourse.

Казакова Алла Александровна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
1211alla@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия агональности в современной теории речевой коммуникации. В статье рассматриваются различные формы агональной риторической коммуникации и языковая репрезентация агональности в судебно-юридическом дискурсе.

Ключевые слова: агональность, агональная риторическая коммуникация, речевое воздействие, состязательность, судебно-юридический дискурс.

Агональность (греч. ἀγων «состязание, борьба») как один из принципов коммуникативно-речевого участия в публичных видах общения все более широко освещается в современной теории речевой коммуникации. Само понятие представляет собой, как известно, социально-культурную универсалию, которую согласно греческой традиции формируют принципы состязательности и борьбы. Представители гуманитарных наук отмечают, что агональность порождает наиболее оптимальные формы состязательной игры, творчески укрепляющей единство социального мира, человека и знания, во всех видах деятельности человека, включая и деятельность речевую, [см.: Калашникова 2005; Лиотар 1998; Ницше 1994; Хейзинга 1992; Яровой 2012]. В связи с этим понимание характера царящих в социуме видов агональности в значительной степени помогает осознать своеобразие культурной целостности этого социума.

То, что агональность является не только социально-культурным, но и коммуникативным феноменом, важно для ее изучения с лингвистической точки зрения. Процесс речевой коммуникации, и прежде всего риторической коммуникации, связанной с персуазивным воздействием на партнера, можно обобщенно представить как борьбу / игру: «говорить — значит бороться, в смысле играть; языковые акты показывают общее противоборство (агонистику)» [1, с. 33]. При его протекании речевые действия и приемы одного участника коммуникации неизбежно вызывают ответные реакции другой ее стороны, которые в свою очередь программируют определенные коммуникативно-речевые ходы первого партнера.

Вид риторической коммуникации, участниками которой являются противоборствующие стороны, кото-

рые добиваются при помощи определенных стратегий и тактик психологического, коммуникативного, интеллектуального, морального и материального превосходства, определяется в современной лингвопрагматике как агональная риторическая коммуникация. При этом, как отмечает Е. И. Шейгал, к основным характеристикам состязательности в риторической коммуникации относятся, во-первых, активная деятельность, направленная на определенный результат — достижение победы путем использования наиболее действенных коммуникативно-речевых стратегий и тактик; во-вторых, физическое и эмоциональное напряжение оратора и аудитории [3, с. 146]. В связи с этим агональный риторический идеал, состоящий в интеллектуальном и психологическом воздействии на партнера по коммуникации, не только противопоставляется так называемой коммуникативно-речевой гармонии, но и считается более действенным для протекания риторической коммуникации и конечного достижения консенсуса.

По наблюдениям некоторых исследователей агональная риторическая коммуникация может существовать в трех формах, а именно: конфронтативной, дискуссионной и игровой [4, с. 146]. Для *конфронтативной агональности* характерно общение в конфликтной тональности, которая возникает из-за использования коммуникативно-речевых средств достаточно жесткой вербальной агрессии. Ведущей интенцией инициатора такого общения является установление превосходства над другой стороной коммуникации, воспринимаемой как соперник. В случае *дискуссионной агональности* ведущая интенция обеих сторон коммуникации предполагает установление истины в ситуации некоего деликта и/или убеждение соперника в спорности его мнения. *Игровая агональность* предполагает высокую степень

творческой свободы участников речевого общения, которая сопровождается выбором неожиданных для соперника игровых стратегий и коммуникативно-речевых ходов. Вследствие этого общение приобретает характер своеобразного театрального зрелища, разворачивающегося по ритуальным правилам, с предписанными каждому участнику ролями.

Один из наиболее интересных видов агонального общения представляет собой судопроизводство. Й. Хейзинга в своем исследовании природы агональности указывает на исконное родство права с игрой и различает три исторических формы агональности в судопроизводстве: 1) игра на счастье; 2) состязание или спор об заклад; 3) словесный поединок [2, с. 86–90]. «Игра на счастье», по мнению автора, есть воля «божественной власти» (греч. *δίκη*), то есть «сбывшийся жребий». Через исход испытания или метания жребия боги показывают, на чьей стороне правда, а исход игры, зависящий лишь от счастья, сам по себе есть священная воля. Спор об заклад (нид. *weddenschap*) тесно связан с обетом. Главный участник тяжбы ставит в заклад (лат. *vadium*, нид. *wedde*, нем. *Wetten*) свою правоту, то есть вызывает противника оспорить его правоту, выставив заклад. Словесный поединок представляет собой судоговорение по самой своей сути, даже после того как по мере развития культуры оно полностью или частично утрачивает свой игровой характер.

Опираясь на древнегреческие традиции, судебное противостояние (истца и ответчика, адвоката и прокурора, судьи и участников, свидетелей между собой) и в наше время осуществляется как борьба, обусловленная жесткими правилами, и протекает в ритуальных формах. В прениях, которые разворачиваются перед глазами судьи и присяжных заседателей (обязательных участников судебной процедуры), а также зрителей (факкультативных участников судебных заседаний), стороны обвинения и защиты с такой силой хотят добиться победы, что судебный процесс нередко предстает как вид азартной игры, как словесный поединок адвоката и прокурора. По-разному интерпретируя в своих речевых высказываниях одни и те же известные из хода следствия факты и свидетельские показания, противоборствующие стороны судебного заседания стремятся в рамках роли, предписанной им юридической традицией, доказать с помощью коммуникативно-речевых средств агональности истинность собственной точки зрения. Исходя из этого, речевая коммуникация в судопроизводстве имеет, строго говоря, форму полилога — диалогической речи с лучевой прагматической расщепленностью, точнее, речи, ориентированной, с одной стороны на непосредственных участников (защитника / обвинителя / судью / истца / свидетеля), с другой стороны, на присутствующую публику.

Как показывает наше исследование, в судебно-юридическом дискурсе присутствуют все три вида агональности. Продемонстрируем это на примере материалов судебного процесса против Оскара Грёнинга (*Der Auschwitz-Prozess von Lüneburg* 2015), обвиняемого в соучастии умерщвлению 300000 человек в концентрационном лагере Освенцим в период с 1942 по 1944 г. Сквозной анализ целостного дискурса названного процесса позволяет сделать заключение о том, что доминирующей формой агональной риторической коммуникации в судебно-юридическом дискурсе является дискуссионная агональность. Это объясняется тем, что в качестве главной стратегии и фундаментальной основы речевого поведения всех участников судебного процесса выступает стратегия (логического и риторического) аргументирования, сопряженная с персуазивностью. Данная стратегия является конструктивной основой речевого и невербального поведения двух универсальных участников судебно-юридического дискурса — прокурора и адвоката, выполняющих, соответственно, функции обвинения и защиты.

Приведём примеры из выступлений адвоката и прокурора. Так, прокурор, излагая факты преступления, обращается к личности подсудимого и приводит в качестве аргумента сведения о том, что подсудимый знал о совершающемся преступлении (умерщвлении людей в газовых камерах):

Staatsanwalt Jens Lehmann: «*Er [Gröning] war Angehöriger der Kommandatur für das KZ Auschwitz. Er wusste von der Tötung der Menschen, unmittelbar nachdem sie angekommen waren. Es geht um 300000-fachen Mord aus Heimtücke und Grausamkeit*» [5, с. 167]. Прокурор также указывает на личностные качества подсудимого, которые свидетельствуют о наличии у него злого умысла в совершении преступления:

Staatsanwalt Jens Lehmann: «*Der Angeklagte sagt über die eintreffenden Menschen, sie seien unbedarf gewesen. Angehörige und Überlebende haben hier ausgesagt, sie hätten keine Gelegenheit bekommen, zur Besinnung zu kommen: wie betäubt. Sie dachten, es geht zum Baden. Das alles erfüllt das Morddenkmal der Heimtücke, das ist bewusste Annutzung der Arg- und Wehrlosigkeit*» [5, с. 167]. Отметим, что прокурор при этом неоднократно использует в своей речи одни и те же абстрактные существительные с отрицательной характеристикой (например, *Heimtücke*), которые служат формированию у публики негативного образа преступника.

Адвокат в ответном выступлении также обращается к личности подсудимого и приводит контраргумент, указывающий на то, что подсудимый был заложником

нацистской идеологии и не знал подробности о подлинном назначении концентрационного лагеря:

Anwalt Hans Holtermann: «*Herr Gröning ist deutschnational aufgewachsen. Er trat in die HJ ein, wie so viele überzeugte Nationalsozialisten. Er machte seine Lehre als Bankkaufmann zu Ende, trat Ende 1940 in die Waffen-SS ein. 1942 wurde er mit zwölf weiteren Kameraden nach Berlin geschickt. Dort wurde ihnen eine «kriegswichtige» Sache aufgegeben. So gelangte er nach Auschwitz, ohne jemals davon gehört zu haben*» [5, с. 260]. Защищая подсудимого, адвокат сравнивает его в своем выступлении с теми, кто защищал идеи национал-социализма (*wie so viele überzeugte Nationalsozialisten*). Тем самым говорящий переносит преступление на уровень коллективного общественного сознания и пытается снизить степень индивидуальной ответственности подсудимого за совершенные поступки. Продолжая, адвокат указывает и на то, что в задачи подсудимого не входило конвоирование заключенных к камерам, на основании чего он не может считаться соучастником преступления:

Anwalt Hans Holtermann: «*Seine Hauptaufgabe war es, Diebstähle zu verhindern. Nur deshalb wurde er zu den Transporten hinzugezogen. Er hatte nichts damit zu tun, wenn die Menschen aus den Zügen getrieben wurden*» [5, с. 260]. Свои аргументы адвокат подкрепляет риторическим вопросом и выводом: «*Was aber ist mit einem Arzt, der kranke SS-Männer behandelt hatte? Reicht das für Beihilfe? Bei Oscar Gröning gebe es nichts, was über seine Anwesenheit hinaus konkret auf eine Teilnahme an den «Selektionsprozessen» hinweise. Dies begründe keine strafbare Beihilfe, und das Gleiche gelte auch für seine eigentliche Tätigkeit*» [5, с. 261–262]. Адвокат снова использует прием сравнения (*Was aber ist mit einem Arzt, der kranke SS-Männer behandelt hatte? Reicht das für Beihilfe?*), косвенно выраженного в риторическом вопросе, чтобы снизить уровень тяжести преступления и оправдать действия подсудимого.

Как видим, риторическое взаимодействие прокурора и адвоката происходит по принципам дискуссионной агональности, которая является привычным модусом общения в судебной ситуации. Стороны оперируют известными фактами, не вступая в открытую форму конфронтации, не нападая на партнера по коммуникации. Однако в речевом поведении участников заседания можно обнаружить и случаи актуализации конфронтативной агональности. Так, например, прокурор или адвокат истца нередко демонстрируют достаточно агрессивную установку против оппонента (адвоката подсудимого или самого подсудимого), которая объясняется их главной прагматической целью — обвинением или защитой. Так, в следующем примере адвокат истца напрямую обра-

щается к подсудимому, указывая на несоответствие его образа «молодого и неопытного» человека тяжести совершенного им преступления:

Rechtsanwältin Suzan Baymak-Winterseel: «*Sie, Herr Gröning, waren kein armer Unterscharführer, wie Sie sich darstellten. Sie trugen nicht lediglich eine moralische Schuld. Sie waren ein Teil des auf Massenmord ausgerichteten unfasslichen Verbrechens. Schon allein die Ankunft in Auschwitz hatte gereicht, um zu erkennen, dass hier massenhaft Menschen umgebracht werden*» [5, с. 232].

В речи адвоката истца также встречаются случаи использования коммуникативно-речевых средств достаточно жесткой вербальной агрессии, направленной на подсудимого, например:

Rechtsanwältin Suzan Baymak-Winterseel: «*Sie fühlen sich moralisch schuldig. Fühlen Sie sich nicht auch als Täter? Sie äußerten sich: «Zu den Vorfällen kann ich nichts sagen, weil ich nicht dabei war. Das betraf nicht meinen Arbeitsbereich». Doch, Herr Gröning, Sie waren dabei. In Auschwitz konnte man nicht dabei sein, Sie haben die verbrannten Leichen gerochen, Sie haben die im Todeskampf Schreienden gehört. Es war Ihnen völlig klar, wem die Massen an Brillen, Kinderwagen, Mänteln, Stofftieren, Zahngold, nicht zuletzt Devisen gehörten und was mit ihnen geschah*» [5, с. 233]. Риторические фигуры синтаксического параллелизма (*Sie waren ..., Sie haben, ...*) способствуют вербальному усилению факта причастности обвиняемого к совершенному преступлению. Это также способствует конструированию негативного образа обвиняемого.

В представленном материале присутствуют также случаи вербальной агрессии в адрес обвиняемого со стороны свидетелей:

Zeugin Angela Orosz-Richt: «*Ich bin in Auschwitz geboren. Ich wog ein Kilogramm. Ich überlebte nur aus einem Grund: Ich habe eine Mission. Ich muss für die sprechen, die nicht mehr sprechen können. Ich muss die Geschichte meiner Mutter und der ermordeten Juden erzählen. Ich will meinen anklagenden Finger gegen die Verantwortlichen erheben. Gegen solche Menschen wie Sie, Herr Gröning*» [5, с. 133]. Особая тяжесть преступления не оставляет свидетелей равнодушными к происходящему в зале суда, что приводит к открытой конфронтации с подсудимым и увеличивает пафос высказываний.

Что касается игровой агональности, то определенные фазы судебного заседания (вступление, допрос подсудимого и свидетелей, выступление прокурора и адвоката, вынесение приговора) являются своего рода этапами «ри-

туальной» игры. Присутствие зрителей и присяжных является неотъемлемым компонентом судебной процедуры, которая разворачивается как театральное зрелище. Так, судья открывает судебное заседание, обращаясь ко всем присутствующим для установления контакта с аудиторией:

Richter Franz Kompisch: «*Schönen Guten Morgen. Ja, ich begrüße die Anwesenden* [5, с. 94]. Судья выступает в качестве «ведущего», в ходе судебного заседания он разъясняет зрителям и участникам «правила игры»:

Richter Franz Kompisch (zu Nebenkläger Ted Bolgar): «*Herzlich willkommen, Sie sind ja das erste Mal hier. Ich muss Sie belehren. Sie werden in Deutschland als Zeuge nicht vorab vereidigt wie in Kanada, müssen aber die Wahrheit sagen*» [5, с. 72].

Однако следует отметить, что случаи проявления игровой агональности в судебном процессе немногочисленны. Это объясняется конвенциональным характером протекания процесса судебного заседания, в свою очередь, зависящего от жестко регламентированных норм судебно-юридического дискурса.

Объем статьи не позволяет исчерпывающе представить все многообразие форм проявления агональ-

ности в судебно-юридическом дискурсе. Тем не менее, приведенные языковые примеры демонстрируют, что агональность является конститутивным признаком судебной коммуникации, придающим ей риторический характер. Они свидетельствуют, далее, о том, что агональность риторической коммуникации в суде обусловлена, в первую очередь, противоположностью позиций двух оппозиционных сторон судебного процесса (защиты и обвинения) и намерением каждой из сторон одержать победу в споре. Доминантными коммуникативными стратегиями судебной коммуникации являются при этом собственно стратегия защиты и стратегия обвинения, а также вытекающие из них стратегии нападения и дискредитации оппонента, которые реализуются с помощью как вербальных (риторические фигуры, повторы, оценочная лексика), так и паравербальных (интонация, намеренные паузы в речи, ее темп) и невербальных средств (жесты, мимика). Обладая равными коммуникативными возможностями при выполнении предписанной им процессуальной функции, конкурирующие стороны (адвокат и прокурор, прокурор и подсудимый, адвокат и свидетель стороны обвинения, прокурор и свидетель стороны защиты, свидетели между собой), связанные ситуацией агонального общения, стремятся оказать персуазивное воздействие на аудиторию и повлиять на окончательное судебное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Хейзинга, Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
4. Шейгал, Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34. С. 145–148.
5. Peter Huth. Die letzten Zeugen. Der Auschwitz-Prozess von Lüneburg 2015. Eine Dokumentation. Reclam, 2015. 308 S.

© Казакова Алла Александровна (1211alla@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена